

Василь Быков

Круглянский мост

Глава первая

Проснулся Степка на рассвете.

Разбудили его голоса — близкий говор людей, смех, утренний курецкий кашель и бряцание пустых котелков. Еще не одолев дремоту, он понял, что это шли завтракать — рядом в ольшанике была тропинка к недалекой кухне, запах дыма от которой давно уже доносился до его ямы. Обостренным обонянием Степка улавливал соблазнительный запах жареного и тогда даже во сне не мог заглушить в себе сосущее чувство голода. Но до еды, пожалуй, было далеко. С пробуждением на него хлынул поток самых неприятных воспоминаний: перепутанные картины вчерашнего нахлынули все сразу, и он со щемящей болью в душе ощутил этот переход из сонного забытья в слишком беспокойную и нерадостную теперь для него действительность.

Больше уже не заснул.

Им снова завладела тревога, на несколько часов прерванная сном, опять потянулось ожидание, которое, однако, не предвещало ничего хорошего. Он пошевелил головой — шея

по-прежнему не сильно, но как-то надоедливо тупо болела, чирьи, кажется, нарывали все больше; один, содранный вчера, наверно, присох к рубашке, и теперь, шевельнувшись, Степка почувствовал короткую острую боль в плече.

В яме было прохладно, от утренней свежести тело пробирала дрожь, зябли руки. Струхлевшая соломенная подстилка на дне отсырела, стала волглой, как скошенная завявшая трава, и не грела. Где-то, невидимое за лесом, всходило солнце; в высоком просторе неба, предвещая погожий день, белело спокойное облачко. Ниже под ним высилась усыпанная шишками вершина ели, несколько шишек лежало и в яме на утопанной соломе, возле его босых и грязных ног.

Яма была не очень глубокая, когда-то второпях выкопанная для картошки, небольшой запас которой хранили тут до весны. С осыпавшихся земляных стен свисали еловые корни; те, что потолще, торчали из земли твердыми узловатыми обрубками. Вылезти отсюда было нетрудно даже и ребенку, но Степка вылезать не собирался, терпел и уповал на справедливость — должна же быть на земле справедливость! Теперь, понемногу успокаиваясь после вчерашнего, он начинал понимать, что погорячился, не стерпел, что не надо было доводить все до беды. Но разумные мысли обычно запаздывают, и того, что случилось,

уже не исправить.

Затаив дыхание, Степка начал различать какие-то невнятные звуки, которые не сразу понял, а потом стало ясно, что поблизости стругали палочку или какой-нибудь прутик: слышался тихий шорох ножа, посапывание, натужный взмах руки. Потом он расслышал и негромкое постегивание по упругой, усыпанной хвоей земле. И парню вдруг нестерпимо захотелось туда, на свободу, хоть бы оглядеться вокруг, высунуться из этой сырой, провонявшей струхлевшей соломой ямы.

Но он знал, что, пока не приедет комиссар, никто его отсюда не выпустит.

Между тем на тропинке под елями сначала едва-едва, а потом все отчетливей слышатся чьи-то широкие торопливые шаги, доносится шорох задетых ветвей, мерное позвякивание в такт шагу — оружия или чего-то в карманах. Слышно, как поблизости встает часовой, ударами ладони небрежно отряхивает полу одежды; резко щелкает ножик. Степка с опозданием догадывается: идут сюда. Может, за ним? Он ждет этого и готов уже обрадоваться, но вместо обычных в таком случае слов слышит другие.

— Ну, иди, подрубай! — раздается голос довольного собой и, видно, позавтракавшего уже человека.

Неожиданно близко и хриловато после

долгого молчания откликается часовой:

— Что там? Опять ячная?

— Кулеш с салом.

— Ну и то лучше. Эта ячная уже в горло не лезет.

— Полезет. А как твой бандит? — вдруг спрашивает пришедший.

— Тихий, как мыша. Спит все.

— Тихий, говоришь...

Голоса незнакомые, наверно, кто-то из новых. Степка чувствует, что идут к нему, и, усевшись, принимает независимый вид.

Скоро над краем ямы появляются две головы — одна в шапке, другая в немецкой пилотке, — а затем и сапоги, трофейные, подбитые шипами, — это у того, что пришел на смену. Тот, что отстоял свое, держится поодаль, и Степка видит его только до пояса.

— Привет! — с наигранной легкостью бросает новый часовой, с любопытством ощупывая его быстрыми глазами.

Степка медленно опускает голову — ему не до шуточек и нелепых теперь разговоров. Часовой, наверно, понимает это и сгоняет с лица улыбку:

— Ничего. Приедет комиссар, разберется. Ты из какой роты?

— А тебе что? — тихо говорит Степка, поднимая на него холодный, с укором взгляд.

— Да так.

— Что ты его допрашиваешь! — нетерпеливо перебивает другой. — Из какой бы ни был, теперь его дело труба.

— Ну почему труба? А если смягчающие обстоятельства? Пошлют на «железку», искупит вину и будет бегать! — бодро говорит часовой.

Степка прислушивается и хмуро еще вглядывается в этого человека с седоватой щетиной на щеках и морщинами у рта, который кажется ему почти пожилым, во всяком случае постарше многих. По разговору парень определяет: нездешний, наверно из окруженцев или бывшего районного начальства. Степка уже готов приободриться, но улавливает в его тоне нотки неискренности, наигрыша и опять опускает голову.

— Приедет комиссар, он ему покажет смягчающие, — недобро ворчит сменившийся.

— Ничего. Главное, не дрейфить! Если что — мол, под мухой был. А под мухой оно все возможно.

Они поворачиваются и уходят. Степка с облегчением вытягивает ноги, слушать их бодрую болтовню ему уже становилось невмочь. Что бы там ни ожидало его впереди, лишь бы скорее. Ему уже кажется, что он сидит тут бесконечно долго, и его встревоженное нетерпение то заглушается воспоминаниями, то нестерпимо обостряется.

Наверно, уж лучше одному, когда никто не донимает его ни угрозами, ни бесполезным теперь утешением. Скорчившись от холода, он жмет плечом к волглой земляной стене, одну к другой сводит озябшие ступни — так вроде становится теплее.

Невдалеке, наверно на кухне, рубят дрова: доносятся размеренные удары, короткий стук дерева, временами тонко отзванивает топор. Так и он рубил два дня назад, и, пожалуй, рубил бы и теперь, и завтра... И надо же было ему подвернуться в недобрый час, напроситься на это задание! Он и до сих пор не может понять, в самом ли деле подрывник Маслаков разыскивал его, чтобы взять в группу, или, может, случайно повстречал в лесу и позвал.

Впрочем, на Маслакова обиды у него нет — у того были наилучшие намерения, и его ли вина, что обстоятельства повернулись столь неожиданным образом...

Глава вторая

Срубив несколько ольховых жердей, Степка возвращался на кухню.

Нетолстые те жерди он сперва нес, потом тащил за шершавые, набрякшие весенним соком комли — верхушки и неровно обрубленные сучья

драли прелую залежь прошлогодней листвы, цеплялись за кусты и деревья. Комли же просто отрывали руки. А тут еще винтовка, свисавшая с плеча на длинноватой веревке вместо ремня, беспрестанно путалась прикладом меж ног, мешала идти, и он, притомившись, бросил олешины, так и не дотащив до кухни. Затем, помедлив, и сам устало опустился на землю в редковатом ольшанике возле стежки. Было тепло и затишно, он угрелся, под суконным венгерским мундиром вспотела спина. Он расстегнул воротник, бросил наземь старенькую измятую шапку, от мокрой подкладки которой шел пар. Несколько минут он, сопя, отдыхал, думая, что шапка — пустяк: всю зиму носил, и еще, наверно, послужит. Так же, как и коричневый венгерский мундир, и черные, прошитые светлым кантом полицейские штаны, а вот с сапогами ему решительно не повезло — сапоги развалились. Левый уже с неделю был перевязан куском оранжевого немецкого провода, а правый невозможно было и связать: перед сгнил почти полностью. В сапогах всегда было мокро, ноги постоянно стыли. Наверно, по этой причине Степку стали донимать чирьи: на боках, под мышками, а теперь вот еще и на шее — не повернуть головы.

Впрочем, насчет сапог он был виноват сам: мог стащить с какого-нибудь фрица (их тогда немало валялось после удачной засады) обычные

солдатские, а не зариться на офицерские. Офицер этот подвернулся ему в канаве, куда Степка предварительно швырнул гранату и тут же, не теряя времени, снял с него ремень с парабеллумом и эти вот сапоги. Парабеллумом, однако, попользовался недолго — уступил новому начальнику штаба, который имел какой-то длинноствольный музейный наган. Ремень отдал взводному Бойченко, потому что ремень у Степки и старый был неплохой. На хромовые же сапоги, чересчур шикарные для лесной жизни, поменяться никто не хотел, пришлось носить самому.

Вообще в этом отряде Степке не везло всю зиму. Началось с того, что его спутали с одним партизанским связным, тоже по фамилии Толкач, который где-то выдал отрядных разведчиков, и за которым охотились партизаны. Пока разбирались, Степку с неделю продержали в запертой землянке. Потом его выпустили, но первое же задание за пределами лагеря едва не стало для него последним. Небольшая группа их заночевала тогда в пуньке. Степка с вечера стоял на посту и, сменившись, только задремал в сене, как на деревню налетели полицаи. Ребята огородами драпанули в лес, а его впопыхах разбудить забыли. Пришлось до полдня, не шевельнувшись, простоять у косяка за воротами в десяти шагах от пьяных бобиков, расположившихся на гумне. Когда же

назавтра он пришел в отряд, все очень удивились его невероятному спасению. Какое-то время Степку подозревали, вызывали к начальству, слушали его короткое объяснение, верили и не верили. Потом, когда подозрение несколько улеглось, ему не стало отбою от Грушецкого, остряка-балагура из Полоцка, не пропускавшего случая позубоскалить над парнем. Как-то не стерпев, Степка огрел его прикладом по голове, за что тут же получил прозвище Псих — самое обидное из всех, которые он имел за свою не очень складную восемнадцатилетнюю жизнь.

В прежнем отряде имени Ворошилова жилось ему куда лучше. Там он был едва не самым старым бойцом, с партизанским стажем ненамного меньшим, чем у самого командира отряда лейтенанта Крутикова. Правда, там его тоже дразнили, но прозвища были более сносные: Белый — это за волосы и брови — и еще Здыхля, потому что худой, хотя худых в отряде и без него было немало. Но там он чувствовал себя наравне с другими, полноценным бойцом, не то, что у этих чапаевцев. К сожалению, тогдашняя жизнь его оборвалась со смертью лейтенанта Крутикова, немногочисленные остатки отряда которого разбрелись по соседним лесам и бригадам.

Самое худшее, конечно, было не в смене отрядов и даже не в отношении к нему партизан.

Ребята, понятно, иногда насмехались над ним, молодым и слабосильным, но делали это не по злобе, а скорее ради потехи. А вот начальство, то шуток не знало. С начальством партизан Толкач был в давнем, застаревшем конфликте: Степка считал, что к нему придираются, а начальники держались того мнения, что Толкач — разгильдяй, к которому нужна строгость. Так говорил взводный Бойченко, когда жаловался на его самоуправство с выселковским старостой, которого Степка подстрелил по дороге с задания. За разгильдяйство ругал его начальник штаба, когда он, переведенный в хозяйственный взвод, упустил с поводка продуктовую корову штаба. Отряд тогда выходил из блокады, хозяйственники с возами пробирались какими-то овражками, на шоссе их перехватили каратели, начался обстрел трассирующими, и черная шустрая рогуля метнулась в кустарник как бешеная, только он ее и видел в сумерках. Искать было бессмысленно. Степка погоревал и, перейдя шоссе, вынужден был с оборванным поводком предстать перед начальником штаба. Думал, это для него плохо кончится. Хорошо, что вокруг было полно карателей, и партизаны таились, как мыши, боясь хрустнуть веткой.

— Толкач!

Степка от неожиданности вздрогнул и оглянулся: отстраняя рукой ветки, в кустарнике

пробирался Маслаков — подрывник, кадровый красноармеец, с которым они однажды зимой ходили на «железку». Последнее время Маслаков залечивал в санчасти раненую руку и время от времени наведывался к ним в хозяйственный взвод.

С некоторым удивлением глядя на подрывника, Степка молчал, не понимая, зачем понадобился ему. Рука у Маслакова была уже без перевязи, однако двигал он ею осторожно, на ладони все еще белел замызганный бинт повязки. Подрывник выбрался из зарослей — тонкие ветки ольшаника упруго прошуршали по его зеленой расстегнутой телогрейке.

— Как жизнь, Толкач?

Степка все молчал, не зная, как отнестись к этому вопросу: кому не известно, какая жизнь в хозвзводе на кухне. Похоже было, что Маслаков шутит, хотя в его тоне и во всем виде не чувствовалось никакой шутки. Как всегда, располагающая улыбка сквозила на его смуглом округло-простодушном лице.

— Да вот, дрова запасаю.

Ногой в исправном еще, намазанном салом кирзовом сапоге Маслаков тронул кривой ольховый комель — верхушка жерди, словно живая, коротко шевельнулась в траве.

— Один таскаешь?

— Ну.

— Каторжник! — сочувственно заключил Маслаков и в упор повернулся к парню. — Слушай, у меня к тебе дело.

Степка нетерпеливо снизу вверх взглянул на Маслакова. Когда тот еще только окликнул его, он почувствовал, что это не так себе, что Маслаков несет новость и что новость эта хорошая. И он во все глаза смотрел теперь на подрывника, который на минуту будто замялся в нерешительности.

— Сходим на одно дело? С музыкой.

Неизвестно почему, но Степка уже чувствовал, что будет именно такое предложение. Это было куда как соблазнительно — сходить с Маслаковым на боевое задание. А то последнее время он, если и вырывался куда, так за картошкой на какой-нибудь хутор или за сеном в луга; однажды возил трофейный брезент в соседний отряд. На задания его не посылали.

Но тут же Степка вспомнил свое положение в хоззведе и нахмурился:

— Клепец разве пустит!

— А куда денется.

— Ты говорил с ним?

— Командир поговорит. Вызовет, прикажет — и весь разговор, — без тени сомнения сказал Маслаков.

Степка уныло махнул рукой.

— Ну, командир не заступится.

Подрывник нетерпеливо переступил на месте, поддал на плече новенький, с лакированным прикладом ППШ.

— Ладно, это мое дело. Ты говори: согласен?

— Я-то согласен.

— Так потопали. А то времени мало.

Еще не веря, Степка нерешительно поднялся, подобрал винтовку, глубже за ремень засунул топор. Маслаков одною рукой подхватил две жерди и двинул в кустарник — напрямик к недалекой уже кухне. Степка поспешил следом. Вопреки своим опасениям он постепенно обретал уверенность, хотя в душе его еще не исчезло и сомнение. Степка слишком хорошо представлял себе, как встретит эту новость Клепец, которому вечно не хватает людей на кухне, и те у него всегда лодыри и разгильдяи. Однако Маслаков о том, видно, мало заботился и, оглянувшись, сказал:

— Помнишь, как мы под Фариновом грукнули?

— Ну.

— Вот я и думаю: что это Толкача на кухне копят? Такого подрывника, с опытом.

Он взглянул на парня с такой подкупающей улыбкой, что Степка на минуту почувствовал себя счастливым. Правда, он скоро сообразил, что Маслаков, наверное, преувеличивает, какой там у него опыт!

Опыт, конечно, был небольшой, последнее время на «железку» он не ходил. Но тогда под Фариновом они, в самом деле, рванули неплохо. Место подобрали удобное: насыпь, поворот и к тому же спуск, впереди подмерзшее болотце. Машинист, наверно, не предвидел опасности, и как грохнуло, почти весь состав слетел с насыпи. Тогда еще с ними ходили Балашевич и Струк. Первого уже нет, а второй раненым остался где-то в Козельской пуще.

С одной жердью было удобнее; вскоре они выбрались из чащи в редколесье, и Степка немного подбежал вперед, чтобы идти рядом.

— А кто еще пойдет?

— Еще? Данила Шпак из взвода Метелкина. Пожилой такой, местный. И Бритвин. Знаешь?

— Тот, что ротным был?

— Вот-вот. Пойдет вину искупать. Как искупит, тогда, говорили, опять командиром поставят.

Что ж, это было недурно: Маслаков, Бритвин — старые, опытные партизаны, Шпак Данила — здешний человек, насквозь знает все ходы-выходы. Степка постепенно уже осваивался со своею радостью, о задании он не спрашивал, знал: придет время — разъяснят, что надо.

Они подтащили дрова к кухне, от которой уютно пахло дымком, и остановились неподалеку

от пня, где была дровосека. Тут уже лежало несколько жердин, принесенных раньше, однако Степка сразу прикинул, что на обед дров было мало. Тем не менее эта забота, недавно еще занимавшая его, теперь показалась такой постылой, что не хотелось о ней и думать. Они побросали жерди, и Маслаков привычно подтолкнул на плече автомат.

— Собирайся! Через часик потопаем.

Глава третья

Однако через час не потопали: случилась заминка со взрывчаткой.

Пока Маслаков бегал по начальству, они втроем дожидались под елкой на краю прогалины, в том месте, где начиналась дорога. Бывший командир роты Бритвин, как только пришел сюда, сразу растянулся ничком на усыпанной хвоей земле и лежал так, с молчаливой сосредоточенностью положив на руки крепкий свежесбривший подбородок. Из них троих он один в шинели и суконной пилотке имел хоть сколько-нибудь воинский вид; Степка же в своем сборном обмундировании скорее походил на полицаю. Что до третьего, пожилого колхозника Шпака Данилы, то во внешнем облике того вообще не было ничего воинского. Молчаливый, с заросшим черными

космами лицом, в рыжем, залубеневшем от мокряди кожане и в лаптях, он сидел, прислонясь к смолисту кочлю елки, и что-то с аппетитом жевал. Рядом лежал его коротенький обрез с некрашеной самодельной ложей. Степка не сразу понял, что Данила ел бобы, которые таскал из замусоленной противогазной сумки понемножку, по паре зерен, всякий раз делая вид, что они у него последние. Тем не менее, и через полчаса он все ел, избегая взглядов Степки, когда тот поворачивался к нему. Парень отлично понимал эту простодушную хитрость, но молчал, потому что давно взял за правило ничего не просить у тех, кто не хотел давать.

Он был в приподнятом, почти радостном настроении. Клепца не понадобилось и вызывать к командиру — просто Маслаков передал ему распоряжение начальника штаба, и хозяйственник, поворчав, смолк, что значило — согласился. Степка, не дожидаясь обеда, получил свой кусок хлеба, который тут же сжевал, и теперь пребывал во власти волнующего нетерпения, когда хотелось только одного: поскорее двинуться в путь. Закинув за спину винтовку, он выломал прут и, постегивая им по траве, поглядывал в сторону шалашей, откуда должен был появиться Маслаков.

— Может, мимо Озерища пойдём? Не знаете?

Ему никто не ответил. Данила был занят

бобами, а Бритвин только повел на парня косым равнодушным взглядом.

— Возле Озерища легче пройти. Там вся полиция своя.

— А тебе откуда известно? — холодно спросил Бритвин.

— Мне? Такой секрет! Все знают, — с деланным безразличием сказал Степка, но внутренне насторожился: тон этого вопроса был ему слишком знаком, и он понял, что напрасно сказал так.

Бритвин после паузы с нажимом заметил:

— Ты за всех не ответчик и держи язык за зубами, если что и знаешь.

Степка поверх леса посмотрел в небо, затянутое молочной дымкой, сквозь которую с утра не могло пробиться солнце, затем перевел взгляд вниз, на шалаши за поляной — Маслакова все еще не было. Другому бы он ответил в таком же тоне, но грубить Бритвину пока воздержался. Правда, ходили слухи, что месяц назад Бритвин здорово проштрафился на задании, его сняли с роты, хотели судить, да перевели в их отряд рядовым. И, тем не менее, тон и весь его вид свидетельствовали, что рядовым он себя не считал. Во всяком случае в этой маленькой группе держался как старший, хотя и с небольшим, но все же заметным превосходством над ними двумя. Впрочем, это не очень беспокоило

Степку, который единственным командиром признавал тут Маслакова.

Степка снял из-за спины винтовку и тоже присел несколько в стороне от тех двоих. Винтовка у него была старая, с граненым казенником, выпущенная, судя по клейму, еще до модернизации 1930 года. Вообще-то стреляла она неплохо, затвор также работал нормально, и Степка был бы вполне ею доволен, если бы не мушка. Мушка раскернилась в своем гнезде и имела обыкновение сползать в сторону от положенного ей места. Прежде чем выстрелить, надо было сдвинуть ее, чтобы совместились риски, а потом уж прицеливаться.

Степка подобрал на земле сучок, ногтями отщипнул от него щепочку и начал засовывать ее под мушку. Щепка, однако, не лезла, ломалась. На его занятие обратил внимание Данила, а затем и Бритвин, который, взглядевшись, недовольно двинул бровями:

— Ты что делаешь?

— Да вот, мушка.

Бывший ротный повернулся на бок и с требовательной уверенностью протянул руку:

— А ну!

Степка еще раз ковырнул щепкой, но опять неудачно и отдал винтовку Бритвину. Тот сел, расставив колени, привычно поклацал затвором.

— Ну и ломачина! Грязная, конечно, ржавая... У тебя кто командир? Меликьянц, да?

Степка промолчал. Разговаривать с Бритвиным у него уже пропала охота — он знал, что тот скажет дальше.

— Ладно. Давайте винтовку.

— Нет, обожди! — уклонился от его руки Бритвин. Он щелкнул курком, потрогал прицельную планку, потом взглянул на мушку. — А еще говорили, Меликьянц — строгий командир!

Степка все молчал, но под елкой подозрительно завозился Данила.

— Да он не Меликьянца — он с кухни.

— Как с кухни?

Бритвин опустил руку с винтовкой и вперил в него недоумевающий, почти возмущенный взгляд. Степка за ствол выхватил у него винтовку, подумав про Данилу: чтоб ты пропал! Тянул его кто за язык, что ли? Но поправить ничего уже было нельзя, и он огрызнулся:

— А что на кухне — не люди?

Потом поднялся и закинул свою «ломачину» за плечо, готовый идти, только идти было некуда — надо было ждать. Данила с легкой усмешкой на широком лице, а Бритвин с тревожной настороженностью посматривали на него.

— Тебя кто в группу назначил? — спросил Бритвин, сдвинув к перекосью широкие брови.

— А вам что за дело?

Все было слишком знакомо. Степка опять почувствовал себя в положении человека, действия и способности которого брались под сомнение, и это невольно толкало его на дерзость.

— Назначили! У вас не спросили.

Бритвин тем не менее, сохраняя выдержку, погасил удивление и повернулся к Даниле, который без особого внимания к ним обоим копался в глубине своей сумки.

— Дожили, нечего сказать! — проворчал бывший ротный, снова откидываясь на локте.

Степка, потоптавшись немного, сел поодаль от них возле стежки. Первая радость в нем быстро омрачалась досадой, он уже каялся, что дал Бритвину в руки винтовку, — пусть бы осматривал свою. А то достал где-то десятизарядку, и столько важности! Еще неизвестно, чья лучше возьмет — его СВТ или эта, образца 1891 года. Степка мог бы все это объяснить им, как и то, что при кухне он оказался случайно, что он не меньше других в свое время походил на задания. Но возникшая уже неприязнь к обоим, особенно к Бритвину, брала свое, и он ничего не мог с ней поделать.

Обиженно притихнув, Степка не сразу заметил, как со стороны шалашей появился Маслаков. Под елью, шурша кожухом, начал вставать Данила, поднялся и удобнее сел Бритвин.

У Степки же от чирьев ломило в шее, и, чтобы оглянуться, он вынужден был повернуться всем корпусом. Шагая через поляну, командир одной рукой нес немецкую канистру, подойдя, поставил ее на дорогу и сдвинул с потного лба армейскую шапку.

— Что это? — спросил Бритвин.

— Дымок, дымок пускать будем, — заговорил Маслаков. — Думал, сыграем — ничего не вышло. Будем дымить.

Все озадаченно глядели на канистру — Данила и Степка, стоя возле нее, а Бритвин молчаливо сидя на своем месте. Разумеется, они понимали, что получилось хуже, чем предполагали: бензин — не тол, жечь всегда хуже, нежели взрывать.

— Так мы что, не на «железку»? — сдержанно спросил Бритвин, уставясь куда-то вниз, на сапоги командира.

Маслаков с неунывающей живостью в глазах окинул своих подчиненных.

— Нет, не на «железку». В другую сторону. На Кругляны.

— На Кругляны... А кто тебе группу комплектовал?

— А что, плохая группа? Сам подбирал.

Бритвин неторопливо встал, подошел ближе. Затем неожиданно повернулся и оказался лицом к

лицу со Степкой.

— А этого тоже сам выбрал?

— Толкача? А что, плохой подрывник?

Бритвин исподлобья укоризненно посмотрел на командира.

— Где это он подрывал? На кухне?

— Где надо было, там и подрывал! — не стерпев, огрызнулся Степка. — Подумаешь, начальник нашелся!

— Тихо!

Наверно, Маслаков только сейчас что-то понял. Улыбка исчезла с его лица, без которой черты его сделались резкими, почти жесткими.

— Кого брал — мое дело, — сказал он. — Кто заслуживал.

— Заслуживал! Ты посмотри, какая у него винтовка! — кивнул головой Бритвин, отходя в сторону.

Маслаков повернулся к Степке:

— А ну, дай сюда!

Степка подал винтовку. Маслаков открыл затвор, резко щелкнул курком. Строго взглянул на парня:

— В чем дело?

— Да мушка немного шатается, — будто о пустяке, нарочитой скороговоркой ответил Степка и прикусил губу.

Пока Маслаков осматривал мушку, парень все

больше хмурился, в душе проклиная Бритвина. Разве был он виноват, что Клепец вручил ему эту «ломачину»? С особенным сожалением он вспомнил теперь свой аккуратный трофейный автоматик, который у него отобрали, переводя в хозяйственный взвод.

Маслаков поднял глаза на Степку:

— Закернить не мог? Да?

— Так не было чем.

— Сейчас некогда — на перекуре напомнишь.

Сам закреплю. Остальное в порядке?

— В порядке, — поспешно ответил Степка.

Маслаков еще раз взглянул на его тонкую, перехваченную ремешком фигуру, задержал взгляд на перевязанном проводом сапоге, но не сказал ничего.

— Держи!

Степка на лету едва успел ухватить брошенную ему винтовку и с облегчением тихонько вздохнул. Напряжение его спало, главное — обошлось, его не прогнали, остальное уже не имело большого значения.

— Так! Тогда шагом марш! — сказал Маслаков. — Канистру понесем по очереди. Кто первый?

Однако первого не объявлялось, канистра стояла на краю дорожки, над нею, ожидая охотника, стоял Маслаков. Бритвин, верный своей

привычке, отошел в сторону и принял такой вид, будто его ничего тут не касалось. Данила глядел в лес, как бы не слышал, что сказал командир. Тогда Степка с угрюмой решимостью ступил на дорогу и взялся за гнутую металлическую ручку канистры.

— Да-а, — неопределенно проговорил Маслаков и вздохнул. — Ладно, начинай, Толкач.

Глава четвертая

Начинать было не так уж и трудно — около часа Степка, меняя руки, тащил канистру. Заброшенная лесная дорожка сначала вилась в мрачном замшелом ельнике, потом потянулась низиной, ольховым кустарником, перелесками. По черному грязному торфянику партизаны перешли хлюпкое, со стоячей водой болото, края которого всю зеленели весенней травой.

Еще в начале пути Степка намеренно приотстал, чтобы не идти рядом с Бритвиным: Степка понимал, что бывший ротный недоволен им, сомневается в его боевых качествах, а может, и вовсе считает его неподходящим для порученного им задания. Хотя, пожалуй, надо было попросить у Свиридова автомат или хотя бы закернить эту мушку. Теперь, поразмыслив и несколько поостыв, он не считал себя во всем правым, но и не мог согласиться с тем, чтобы ему читал мораль

Бритвин. Степка стерпел бы мораль от Маслакова или еще от кого-нибудь из отрядного начальства, но не от Бритвина, которого он не знал, а теперь уж и не уважал вовсе. Мало что он бывший командир, но товарищ из него никудышный. И это удручало, потому что на задании куда важнее было иметь рядом просто надежного товарища, чем придирчивого командира. В командах пока не было надобности — надо было тащить канистру.

И он тащил ее, едва не переламываясь пополам. Бензин резко вонял, заглушая лесные запахи, и с тихим плеском мерно шевелился в посуде. Со временем канистра все тяжелела. Степка начал останавливаться, отдыхая и меняясь руками, и, наконец, отстал. На пути их пролег глубокий, заросший орешником овраг. Маслаков с остальными перешел по дорожке на ту сторону, а Степка остановился на краю и поставил канистру. Наверно, надо было окликнуть, чтобы подменили, но он промолчал: он не хотел при Бритвине ни о чем просить — могли догадаться сами. Остужая в воздухе натруженную ладонь, он только глядел им вслед и думал: оглянется кто или нет? Они же друг за другом лезли по склону вверх, и только выбравшись из оврага, Маслаков окликнул его. Степка, не ответив, опустил под канистры. Они за оврагом тоже сели. Тогда, малость отдохнув, он поднялся и сошел в овраг.

Он думал, что они дождутся его и пойдут, однако они не вставали. На краю дороги с прежним озабоченным видом сидел Бритвин, рядом переобувался Маслаков. Данила, хватаясь руками за ветки, полез к ручью напиться. Занятые разговором, они, казалось, не обратили на Степку никакого внимания.

— Реку под Круглянами знаешь?

— Ну.

— Так вот там.

— Длинный тот, деревянный?

— Он самый.

— Вряд ли удастся, — подумав, сказал Бритвин, по своему обыкновению глядя вниз. — Там охрана.

Степка сообразил, что разговор касался задания, и исподлобья внимательно поглядывал то на Бритвина, то на командира. Маслаков, поддев носком, стянул с ноги второй свой сапог и подвернул портянку.

— Охраны нет. Вчера пришел Голенкин из разведки. На мосту пусто, — спокойно объяснил он и, надев сапог, мягко притопнул на дороге.

Степка подумал, что сжечь мост, наверно, будет непросто. Даже если и нет охраны. За низинкой там местечко с полицией, откуда этот мост виден как на ладони. Но теперь своим несогласием с Маслаковым парень не хотел

поддерживать Бритвина и молчал.

— Днем, может, и нет. А ночью? — сказал Бритвин.

— А зачем нам ночь? Днем и подпалим.

— Под носом у бобиков?

— А что? Дерево сухое, вспыхнет, как порох. Только бы бензина побольше, — бодро сказал Маслаков и повернулся к Степке. — Толкач, давай драгунку.

Степка подал винтовку, командир вынул из-за голенища финку и ее черенком начал тихонько клепать у основания мушки.

— Все дело в том, как обмозговано. А обмозговал ты неважно. Хитрости мало! — недовольно говорил Бритвин.

— Какой там хитрости!

— Такой, чтоб сказал и сразу было ясно, что удастся.

— Без внезапности никакая хитрость не поможет. Внезапность нужна.

Слушая неторопливый, не очень согласный разговор, Степка забыл уже о первом невольном сомнении относительно замысла Маслакова и поднял на Бритвина обиженно-злой взгляд:

— Не такие взрывали! Только щепки летели. И не трусили!

Он преднамеренно сказал так — грубо и почти вызывающе, — чтобы задеть Бритвина.

Правда, это выглядело несколько наивно и самонадеянно, но он уже ощутил в себе волнующий холодок решимости и знал, что не отступит.

Бритвин нахмурился:

— Кто это — взрывали?

— А мы!

— Гляжу, умные очень! — язвительно сказал бывший ротный.

Он заметно осторожничал, может, хитрил, утрачивая свою привычную командирскую самоуверенность, недавно еще удерживавшую Степку на расстоянии. Почувствовав это, Степка пошел напропалую, лишь бы досадить Бритвину:

— Да уж за свою шкуру дрожать не будем!

Из оврага, шурша в кустарнике кожухом, выбрался Данила и прислушался к разговору.

— Что ж, посмотрим! — вдруг зло сказал Бритвин. — Смотрите.

— Ладно, будет вам! — прикрикнул Маслаков. — Придем, осмотримся, решим на месте. Держи!

Не вставая, он бросил Степке винтовку, которую тот ловко ухватил за ложу.

— Лишь бы дождя не было, — поглядел в небо Маслаков.

Остальные, кроме Бритвина, тоже подняли головы. Белесая поволока там вроде сгущалась, край неба за оврагом подозрительно синел —

похоже, в самом деле, собирался дождь.

— Что-то хмурится, — неопределенно сказал Данила.

Маслаков энергично встал на ноги.

— Ну, потопали! Данила, бери канистру!

Глава пятая

Они выходили из Гриневичского леса. Ельник редел, видно, кончался, шире раздалось небо над головой, уже рядом была опушка. Вдруг Маслаков коротко бросил: «Постойте!» — шагнул с дороги и скрылся в сплошной чащобе молодого подлеска. Остальные остановились на краю дороги. Данила, отсапываясь, поставил канистру и сел, где стоял. Бритвин настороженно глядел в подлесок. Степка, положив на траву винтовку и опустившись на колени, принялся затягивать проводом сапог. Но не успел он завязать узел, как из ельника донеслось:

— Сюда давай!

Они встали и полезли в молодой еловый подлесок, источавший резкий смолистый запах. Раздвигая неподатливые колючие сучья, Степка через минуту вылез на более просторное место. Тут уже был край леса. Над молодой хвойной порослью, убегавшей по пригорку вниз, возвышались две толщенные, увитые прядями мха ели с разлапистыми сучьями. Возле ближней из

этих елей, склонив голову, стоял Маслаков.

— Давайте подправим скоренько.

В земле неглубокой впадиной наметилась несвежая, наверно прошлогодняя, могила. Небрежно накопанная земля осела, края могилы обсыпались. Маслаков начал сапогами сгребать к ней песок. Данила поставил канистру.

— Что, знакомый? — спросил Бритвин.

— Двое наших: Кудряшов и Богуш. Осенью в Староселье на засаду нарвались. Кудряшова на месте в лоб, Богуш по дороге умер.

Степка прислонил к еловому комлю винтовку и без лишних расспросов подался к командиру. Грести песок сапогами он не решился, опасаясь вовсе остаться разутым, и начал руками разравнивать его по форме могилы. Данила с Бритвиным стояли поодаль.

— Ну что? — вскинул голову командир. — Давай, Данила, дерна поищи. Обложить надо.

Данила молча вытащил из ножен на ремне немецкий штык-тесак и вразвалку неохотно поплелся в заросли. Бритвин опустил под елью.

«Падла! — подумал Степка, шлепая ладонями по волглой земле. — Бойтся руки запачкать. Начальничек!»

Пока они вдвоем возились с могилой, Данила в поле кожуха принес три куска дерна, вывалил рядом. Маслаков приложил дерн к краю могилы, но